

УДК 34.02

**«СИНТЕТИЧЕСКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ» ПУБЛИЧНОГО
И ЧАСТНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ:
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ***

В. И. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются проблемные аспекты теории и практики конституционализации российского права и законодательства. Объективная сложность современных конституционно-правовых отношений проецируется на все отрасли права, включая традиционно мыслимые положения и институты уголовно-процессуального законодательства. Это создает значительные трудности применения нормативных конструкций, отмеченных повышенным напряжением композиционно связанных целей и приоритетов публично-правового и частноправового характера, в частности, при наложении арестов на имущество. Данные трудности не «отменяют» задачи правосудного обеспечения прав и свобод человека в контексте искомого баланса интересов, целей и ценностей.

Ключевые слова: конституционализация права, Конституционный Суд РФ, гибридные нормативные конструкции, уголовно-процессуальное законодательство, арест на имущество, обеспечение прав человека.

По мере конституционализации права раскрывается, в ряду прочего, «синтетическое» единство правовой материи на онтологическом уровне, где и проявляется ее конституционная однородность¹. Данное обстоятельство отчасти дезавуирует значение отраслевых и институциональных демаркаций и даже типологического обособления массивов права публичного и частного². В конечном счете обнаруживается, что эссенциальная состоятельность и значение последнего – исторически непререкаемого – деления сегодня также носит, в целом, условный характер; практически же – в функциональном модусе – оно остается актуальным в той мере, в какой обнаруживаются коллизии между нормативными конструкциями,

---

* Статья подготовлена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

¹ О сути и формах конституционализации права см., в частности: Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 14 – 21 и др.

² Конституционное правопонимание и теория реального (судебного) конституционализма раскрывают публично-частную природу современного права как явления всегда и в конечном счете конституционного. См., например: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 214 – 216 и др.

призванными обеспечивать пользование конституционными правами и свободами человека и гражданина, выполнение основных обязанностей, с одной стороны, и коррелирующими им установлениями, направленными на охрану иных конституционных ценностей, преимущественно публичного (в широком смысле) характера. Как правило, такие коллизии оказываются чрезвычайно «напряженными» и нередко порождают серьезные трудности правоприменительного характера. Прояснения Конституционным Судом РФ (далее также – Суд) «драматической» диспозиции подобных противоречий, вырабатываемые им установки, направленные на конституционализацию нормативной базы (законодательства) и правоприменительной практики, не всегда находят адекватное понимание даже в юридической науке и зачастую не в полной мере учитываются законодателем. Весьма наглядно это проявляется, например, в уголовно-процессуальной сфере, на что мы и хотим обратить здесь внимание.

В Конституционном Суде РФ были обжалованы системно связанные положения процессуального законодательства (ч. 1, 3 и 9 ст. 115, п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), предусматривающие и регулирующие применение такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на определенное имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, для обеспечения исполнения будущего (возможного) приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации такого имущества³. Наложение процессуального ареста во всяком случае влечет для собственника соответствующего имущества ограничения конституционных прав, вытекающих из положений ч. 1, 2 и 3 ст. 35 Конституции РФ, а для ряда лиц и ситуаций, связанных с предпринимательской деятельностью, такое ограничение проецируется на конституционное право, установленное в ч. 1 ст. 34. Подпадание под названные ограничения имущества (собственности) субъекта конституционной жалобы было обусловлено его статусной спецификацией как юридического лица, *предполагаемо* связанного с объективной стороной *предполагаемого* преступления в силу участия в залоговых правоотношениях в рамках процедуры банкротства (согласно положениям абзаца девятого п. 1 ст. 126 Федерального закона «О

---

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 г. № 1-П // СЗ РФ. 2011. № 6. Ст. 897. Далее – Постановление № 1-П. К предыстории вопроса имеет прямое отношение также Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2008 г. № 9-П, в котором предметом рассмотрения были положения ст. 82 УПК РФ, ограничивающие права собственника или законного владельца имущества, признанного вещественным доказательством, без вступившего в законную силу приговора.

несостоятельности (банкротстве)»). При этом лицо, подлежащее привлечению в качестве подозреваемого (обвиняемого), не было установлено, а спор субъекта конституционной жалобы относительно имущества, на которое был наложен арест, с гражданским истцом был разрешен в ином судебном порядке. Обозначенная выше коллизия фундаментальных конституционных ценностей «частного» и «публичного» характера в столь сложной и неоднозначной – как она понималась в правоприменительной практике – нормативной конструкции проступает вполне отчетливо.

Как было отмечено в Постановлении № 1-П, уголовно-процессуальное ограничение имущественных прав лица должно быть обусловлено его предполагаемой причастностью к преступной деятельности или предполагаемым преступным характером происхождения (использования) конкретного имущества либо основываться на законе, устанавливающем материальную ответственность такого лица за действия подозреваемого или обвиняемого. (Попутно заметим, что даже непосредственно обвиняемый в анализируемой нормативной конструкции «помещается» – как субъект конституционного ограничения – одновременно в две процессуальные модели приоритетно публично-правового и частноправового характера (применительно к требованиям из гражданского иска), и его процессуальный статус получает гибридный характер.) Конституционную состоятельность (справедливость и соразмерность) предусмотренных ограничений определяет их направленность прежде всего на защиту прав и законных интересов потерпевших от преступления. Вместе с тем применение такого ограничения как специальной меры материальной ответственности предполагает установление личности подозреваемого, обвиняемого, поскольку в противном случае невозможно установить и лицо, несущее по закону материальную ответственность за его действия.

«Материальная ответственность», о которой в данном случае идет речь, – понятие также во многом условное, поскольку меры юридической ответственности (очевидная коннотация) и меры, ограничивающие права и свободы, не обязательно совпадают по содержанию и объем второго понятия значительно шире первого. Не снимает этой условности даже то *процессуально-техническое* обстоятельство, что наложение ареста на имущество определенных законом лиц предполагает привлечение их в качестве гражданских ответчиков, согласно ч. 1 ст. 54 УПК РФ. Конституционный Суд РФ, однако, оперирует понятием «материальная ответственность», характеризует ее как внедоговорную и подчеркивает, что соответствующий арест на имущество может быть наложен только при

неисполнении подозреваемым или обвиняемым своих обязательств, вытекающих из причинения вреда. В конституционной классификации такая ответственность (мыслимая как юридическая ответственность) должна была бы определяться как частная (по типу), восстановительная (по виду) и уголовная (по форме). Однако частная внедоговорная юридическая ответственность может быть только при деликте, что противоречит гипотезе связи собственника имущества с преступлением, а условно-субсидиарный характер привлечения к такой «ответственности» органически чужд форме уголовного судопроизводства. Косвенным образом справедливость таких критических доводов подтвердил и сам Конституционный Суд РФ, указав, что подчинение правосудия по уголовным делам не соответствующим его специфике целям, присущим судопроизводству гражданскому, означало бы нарушение конституционных принципов, лежащих в основе организации и осуществления правосудия и разграничения судебной юрисдикции, и приводило бы к *несоразмерному ограничению* органами, осуществляющими уголовное преследование, закрепленных в Конституции РФ экономических прав и свобод.

Именно последовательное отношение к оспоренной нормативной конструкции как ограничивающей конституционные права и свободы (без подведения под титул юридической ответственности) не только позволяет разрешить возникший конституционно-правовой спор, но и снять (купировать) возникающее при этом «синтетическое напряжение» публично-правового (уголовно-процессуального) и частноправового восприятия и оценки выбранного законодателем подхода.

Фактически оспоренная статусная характеристика лиц, подпадающих под «субсидиарные» конституционные ограничения экономических прав, была перенесена законодателем в ч. 3 ст. 115 УПК РФ⁴ на характеристику их имущества, для которого, согласно легальной формулировке, «есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)». Определенные таким образом основания

---

⁴ В ред. Федеральных законов от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ, от 28.06.2014 г. № 179-ФЗ, от 31.12.2014 г. № 530-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Обратим внимание, что законодатель не касался редакции этой формулировки в течение нескольких лет после принятия Постановления № 1-П.

ограничения конституционных прав, в свою очередь, не могут устанавливаться уже в рамках гражданского судопроизводства, с позиций частноправовой субординации сторон, но исключительно лишь при постановлении обвинительного приговора. В связи с чем – в контексте актуального вовлечения подпадающих под ограничения лиц в процедуры банкротства и режим конкурсного управления⁵ – Конституционный Суд РФ фактически зеркальным – по отношению к приведенной выше его критической позиции – образом указал, что к неконституционным требованиям приводит также *подмена* установленных федеральным законом *частноправовых способов* разрешения спора об имущественных правах *публично-правовыми способами*, постановка отдельных конкурсных кредиторов в привилегированное положение путем создания для них *особых условий* защиты своих прав в силу признания их субъектами уголовного судопроизводства.

Процессуальные ресурсы публично-правового и частноправового характера оказываются, таким образом, конституционно комплементарными для обеспечения конституционного правопользования, и одновременно в преимущественной артикуляции каждого из них в отдельности таятся угрозы недопустимого, чрезмерного, т.е. неконституционного ограничения соответствующих прав. Будучи угрозами, обусловленными спецификой типологической настройки механизма правового регулирования, они и выявляются исключительно с позиций профильного предметно-фокусного анализа. Так, временный характер уголовно-процессуального ограничения права собственности (наложение ареста на имущество) делает его – отчасти парадоксальным образом – менее значимым (тяжелым) в сравнении с «частноправовыми» ограничениями, устанавливаемыми в рамках гражданского судопроизводства и влекущими лишение права собственности вследствие его перехода к другому лицу (публичному или частному). Данное существенное обстоятельство и его следствия требуют системного нормативного отображения и подтверждения, которое утрачивается при отсутствии конкретизаций форм адекватного процессуального реагирования на затягивание (вплоть до неопределенного срока) предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу. В частности, как констатировал Конституционный Суд РФ, в ситуации неустановления местонахождения подозреваемого или обвиняемого, скрывшегося от следствия, арест имущества, находящегося у лиц, которые сами

---

⁵ Исходя из положений абзаца 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 1270-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190).

подозреваемыми или обвиняемыми по уголовному делу не являются, не только превращается для них в чрезмерное ограничение права собственности, но и грозит безоговорочно недопустимым умалением этого права (ч. 2 ст. 55 Конституции РФ), если эти лица *фактически* лишены процессуальной возможности его защиты.

Дополнительным весомым аргументом в пользу вывода о неконституционности обжалованных законоположений становится показанное в Постановлении № 1-П отсутствие в УПК РФ специального механизма возмещения собственнику арестованного имущества убытков, причиненных чрезмерно длительным ограничением его прав. Нельзя восполнить (компенсировать) такой дефект и ресурсами гражданского судопроизводства (частноправовой аспект), поскольку приостановление предварительного следствия синтетическим образом блокирует возможности предоставления суду новых, необходимых для принятия соответствующего решения данных. В итоге «гибридный» механизм процессуального правоохранительного ограничения конституционных экономических прав лиц, предположительно связанных с расследуемым преступлением, оказывается сопоставимым по своему содержанию с конфискацией имущества, применяемой по приговору суда (что не согласуется с конституционным принципом презумпции невиновности).

Обозначив проблему *только* таким образом, мы вновь занимаем одностороннюю точку зрения и создаем деструктивное (аномальное) «синтетическое напряжение» уже в искомой (оптимальной) нормативной конструкции. Лицо или орган, в производстве которых находится уголовное дело, не могут забывать о призвании и долге обеспечивать защиту и охрану *всех* конституционных ценностей, угрозу которым несет предполагаемое преступление. Уголовно-процессуальное наложение ареста на имущество направлено на решение именно такой – синтетической – задачи, и отменяется оно не под давлением односторонних притязаний и доводов, но когда по объективному (конституционно-взвешенному) убеждению уполномоченного лица в применении этой меры отпадает необходимость. Другое дело, что законодатель не счел нужным конкретизировать обстоятельства (включая приостановление предварительного следствия по уголовному делу), которые порождали бы обязанность уполномоченного лица (следователя) рассмотреть вопрос об отмене ареста на имущество или возможном изменении данной меры на такую версию процессуального принуждения, которая объективно снижала бы отрицательные последствия для собственника имущества (например, запрет на распоряжение имуществом). По сути, именно отсутствие специальной законодательной конкретизации

обязанности уполномоченных лиц рассмотреть профильную процессуальную жалобу заинтересованных лиц (собственников имущества), но никак не обязанности отменить введенное временное ограничение их прав, Конституционный Суд РФ постановил, что даже общие процессуальные гарантии обжалования (ст. 123 – 125 УПК РФ) оказываются неэффективными с позиций конституционных требований.

В этой связи Постановлением № 1-П федеральному законодателю было предписано внести в УПК РФ изменения, обеспечивающие необходимый уровень баланса публично-правовых и частноправовых приоритетов (об исполнении этого решения Конституционного Суда РФ будет сказано далее). В плане же актуальной конституционализации уголовно-процессуального права Суд, во-первых, установил, что до приостановления предварительного следствия следователь *обязан* выполнить *все* следственные действия, имеющие значение для конституционного преодоления аффектов «синтетического напряжения» оспоренной нормативной конструкции, производство которых *возможно* в отсутствие подозреваемого или обвиняемого. Во-вторых, Суд «напомнил» уполномоченным органам и должностным лицам, что осведомленность собственника арестованного исходя из оспоренных законоположений имущества *может* являться основанием для уголовного преследования такого лица (ч. 5 ст. 33, ст. 174, 174.1 и 175 УК РФ) и признания соответствующего имущества вещественным доказательством (ст. 81 и 82 УПК РФ). И в-третьих, как *процессуальное требование* было определено *рассмотрение* уполномоченным органом – в случае приостановления предварительного следствия – вопроса об отмене наложения ареста на имущество или изменении меры ограничения права собственности лица, причастность которого к преступлению не установлена. Принимая соответствующее решение, особо уточнил Суд, уполномоченные лица должны стремиться исключить или минимизировать необоснованные последствия наложения ареста на имущество, в частности «снижая» уровень ограничения до запрета на отчуждение имущества (при надлежащем контроле за движением денежных средств, полученных от его использования).

Очевидно, что – *решающим образом* – каждый из вновь установленных Конституционным Судом РФ элементов гибридной нормативно-процессуальной конструкции, как и все вместе, недопустимого (неконституционного) ограничения права собственности лиц, гипотетически связанных с расследуемым преступлением, не обеспечивают. Вопросы о том, какие соответствующие следственные действия необходимы и возможны, какова степень вероятности квалифицирующей осведомленности собственника и какие

ограничительные меры в отношении его имущества оптимально учитывают конкурирующие цели и ценности правопорядка, – неизбежно останутся в рамках публично-властной дискреции уполномоченных органов и должностных лиц. Вместе с тем можно уверенно заявлять, что «синтетическое напряжение» оспоренной нормативной конструкции эти конституционные установления и конкретизации в известной мере снижают, как, соответственно, и риски ее применения на практике. Кроме того, вырабатывая свое решение, Суд должен был учитывать исключительные прерогативы законодателя и руководствоваться презумпцией конституционности намерений правоприменителей (как отображающих их правопонимание).

К сожалению, последующие события лишь отчасти подтвердили расположенность и *готовность* обозначенных лиц к участию в конституционализации уголовно-процессуальной системы для цели поддержания необходимого равновесия между – актуализируемыми с такой степенью напряженности – интересами общества и конституционными правами и свободами. Возможно, здесь уместны более категоричные негативные оценки. Так или иначе (понимая свою несостоятельность или квалифицированно «отмалчиваясь»), федеральный законодатель не исполнил возложенные на него обязательства, и, как сформулировал Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, проблема неконституционных ограничений прав собственников в рамках уголовного судопроизводства приобрела в России системный характер⁶.

Возвращаясь спустя три года к рассмотрению вопроса о конституционности правовых режимов ареста имущества – на стадии предварительного следствия – лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми по данному уголовному делу, Конституционный Суд РФ «вынужден был повторить не исполненное законодателем требование» (В.Д. Зорькин)⁷. При этом выработанные в Постановлении № 1–П правовые позиции были дополнены конкретизациями алгоритма синтетической (гибридной) конструкции имущественных ограничений применительно к категории лиц, хотя и не несущих в соответствии с ГК РФ ответственность за вред, причиненный преступлением, но в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что их – подпадающее под ограничение – имущество получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

---

⁶ См.: Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 1 – 5.

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 г. № 25-П // СЗ РФ. 2014. № 44. Ст. 6128. Далее – Постановление № 25-П.

Вполне ожидаемо, поскольку в новой жалобе актуализировалось значение судебной санкции на применение ограничительных мер⁸, акцент был сделан, во-первых, на конституционной соразмерности (пропорциональности) предусмотренных абстрактных ограничений, которую может обеспечить только эффективный и неформальный контроль суда, учитывающий, в том числе, недопустимость подмены частноправовых механизмов уголовно-процессуальными средствами и смешения целей частноправового характера с публично-правовыми целями уголовного судопроизводства. Во-вторых, отдельно уточнялись требования к процессуальной пролонгации применяемых принудительных (ограничивающих) мер. Конституционный Суд РФ подтвердил неконституционность основанного на синтетической законодательной конструкции механизма судебной защиты конституционных прав в ситуации чрезмерно длительного наложения уголовно-процессуального ареста на имущество третьих лиц, предположительно полученное ими в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого. Характеризуя отсутствие процессуально определенного срока, по истечении которого законность и обоснованность примененного имущественного ограничения могут быть подвергнуты судебному контролю, при том что заинтересованному лицу может быть не известно об акте пролонгации, Конституционный Суд РФ вновь признал неконституционным механизм (алгоритм применения) соответствующей законодательной конструкции. Федеральному законодателю, соответственно, вновь было указано на необходимость доработки сложной нормативной конструкции, а – специально для судов – конкретизированы конституционно-судебные средства правового реагирования и защиты имущественных прав, впредь до требуемой модернизации уголовно-процессуального законодательства.

Согласно Постановлению № 25-П, суды, санкционируя наложение ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми и гражданскими ответчиками по уголовному делу, должны указывать разумный и не превышающий общих процессуальных пределов предварительного расследования срок действия данной меры; специальными оговорками подтверждены право заинтересованных лиц обжаловать и корреспондирующая этому праву обязанность судов рассматривать жалобы на пролонгацию сроков

---

⁸ Согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ, только в исключительных, не терпящих отлагательства случаях наложение уголовно-процессуального ареста на имущество может быть произведено по постановлению следователя или дознавателя без получения судебного решения; такой специальный режим предполагает последующую судебную проверку и подтверждения законности осуществленных действий.

установленных имущественных ограничений. В мотивировочной части Конституционный Суд РФ конкретизировал обстоятельства, которые должны учитываться и могут быть положены судом в основание вывода о возможности пролонгации ограничивающих мер, в том числе примененных в неотложной ситуации.

Последующие конституционные жалобы, включая ходатайства о разъяснении Постановления № 25-П, показывают, что в российской судебной практике продолжали приниматься решения, не учитывающие названные правовые позиции Конституционного Суда РФ или входящие с ними в противоречие⁹.

Что касается ожидаемой конституционализации УПК РФ, то определенные шаги в данном направлении были сделаны только после «третьего конкретизированного напоминания» Конституционного Суда РФ¹⁰, в связи с принятием Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ¹¹. Специалисты характеризуют их результаты как «попытку», «скорее формальные, чем реальные» и «незначительные» в плане достижения сформулированных Конституционным Судом РФ целей¹². Вместе с тем нельзя не признать проявленного федеральным законодателем намерения системной имплементации в УПК РФ положений, производных от выработанных Конституционным Судом РФ правовых позиций. Это касается, в частности, вновь введенной ст. 115.1 УПК РФ, конкретизирующей институт пролонгации процессуального ареста на имущество «других» лиц, не находящихся непосредственно в фокусе уголовного расследования, включая новации права требования возмещения имущественного вреда.

Показательно также, что Верховный Суд РФ все более последовательно трактует институт уголовно-процессуального наложения ареста на имущество с позиций анализа конституционности ограничений прав и свобод граждан¹³.

---

⁹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 г. № 471-О-Р // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 г. № 31-П // СПС «КонсультантПлюс». В данном Постановлении Суд указал на необходимость законодательной конкретизации механизма обеспечения адекватных имущественных притязаний для определенных категорий лиц, безналичные денежные средства которых блокируются как «спорные» наложением уголовно-процессуального ареста на имущество лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления.

¹¹ СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3981.

¹² См.: Рыжаков А.П. Продление срока ареста на имущество: комментарий к Федеральному закону от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». 2015.

¹³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

Тем не менее выводы специалистов, основанные на данных судебной статистики, согласно которым «ординарные» суды удовлетворяют сегодня до 90% ходатайств о наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц (последние априори не могут быть отнесены к категории обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений)¹⁴, побуждают задуматься, насколько российские судьи готовы и ответственно подходят к цели правосудного обеспечения конституционных прав и свобод граждан в ситуациях, когда им приходится руководствоваться положениями сложных (гибридных) нормативных конструкций, отмеченных повышенным напряжением не всегда очевидных (и необходимо абстрактных) алгоритмов пропорционального соизмерения (взвешивания) публичных и частных ценностей конституционного правопорядка.

Список литературы

1. Апостолова Н.Н. Система гарантий прав и свобод граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 5. С. 3 – 7.

2. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 528 с.

3. Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // *Журнал конституционного правосудия*. 2015. № 3. С. 1 – 5.

4. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 240 с.

5. Рыжаков А.П. Продление срока ареста на имущество. Комментарий к Федеральному закону от 29 июня 2015 года № 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». 2015.

---

¹⁴ Апостолова Н.Н. Система гарантий прав и свобод граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 5. С. 6 – 7.

**"SYNTHETIC TENSION" OF PUBLIC AND PRIVATE LAW
IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONALIZATION:
CRIMINAL PROCEDURAL ASPECT**

V. I. Kruss

Tver State University

The article analyzes the problematic aspects of the theory and practice of the constitutionalization of Russian law and legislation. The objective complexity of modern constitutional and legal relations is projected on all branches of law, including traditionally conceivable provisions and institutions of criminal procedure legislation. It creates significant difficulties of applying normative structures marked with a high voltage composite related to the objectives and priorities of public law and private law character, in particular, when imposing of arrests on the property. It creates significant difficulties of applying normative structures marked with a high voltage composite related to the objectives and priorities of public law and private law character, in particular, when imposing of arrests on the property. These difficulties do not "cancel" the task of ensuring human rights and freedoms in the context of the desired balance of interests, goals and values.

Keywords: *constitutionalization of law; the constitutional Court of the Russian Federation; hybrid regulatory structures; criminal procedure legislation; seizure of property; ensuring human rights.*

Об авторе:

КРУСС Владимир Иванович – заведующий кафедрой теории права ГОУ ВО «Тверской государственный университет» (Россия, Тверь, ул. Желябова, 33); д.ю.н., профессор; e-mail: t-prava@yandex.ru; т. 8-904-011-59-32.

KRUSS Vladimir – head of the Department of theory of law of GOU VO «Tver state University (Russia, Tver, Zheljabova st., 33); doctor of legal Sciences, professor, e-mail: t-prava@yandex.ru; т. 8-904-011-59-32.

Крусс В. И. «Синтетическое напряжение» публичного и частного права в контексте конституционализации: уголовно-процессуальный аспект // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 86 – 97.